

Ю.Ф. ЛАХВИЧ, Е.М. БОРОДАЧЕВА

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ГОТОВНОСТИ К УСЫНОВЛЕНИЮ

Обсуждается проблема психологической готовности к усыновлению. Выделяются и анализируются социально-психологические факторы общей и специфической готовности к усыновлению. Проводится их эмпирическая проверка с позиций последующей эффективности семьи усыновителей.

The problem of psychological readiness to adoption is discussed. The author determines and analyses socio-psychological factors of general and specific adoption readiness. The empirical verification of these factors is carried out from the point of following adoptive family efficiency.

В настоящее время общепризнано, что усыновление – оптимальная форма решения проблемы сиротства, которая остро стоит перед современным белорусским обществом. Несмотря на то, что наблюдается тенденция активизации процесса усыновления, количество усыновленных детей, по сравнению с количеством устроенных на государственную опеку, остается все же малым (из выявленных в 2007 г. таких детей (4451 ребенок) только 3,7 % было усыновлено (166 детей), в то время как на государственную опеку устроено 24,9 % детей (1108 детей)). Помимо этого, существует проблема отмены усыновления, т. е. добровольного возврата детей усыновителями или принудительного возврата. Так, за 2007 г. усыновление отменено в отношении 11 детей, в 2006 г. таких случаев было 8, в 2005 г. – 11, в 2004 г. – 12¹. Приведенные данные могут свидетельствовать о некачественном подборе кандидатов в усыновители, когда люди, решившие усыновить ребенка, оказались психологически не готовыми к родительству усыновителей. В связи с этим очень важно выявить и изучить социально-психологические факторы готовности к усыновлению, что позволит на этапе подбора усыновителей прогнозировать успешность усыновления и создать условия для адекватной психологической подготовки к нему.

Проблема психологической готовности к усыновлению до сих пор не получила должного научного внимания. Большинство имеющихся данных получены из практики подбора кандидатов в усыновители и являются гипотезами, которые

требуют своей эмпирической проверки². Специальных исследований, рассматривающих содержание психологической готовности к усыновлению, ее сходство и (или) отличие от психологической готовности к родительству биологических родителей, а также социально-психологические факторы готовности к усыновлению, до сих пор не проводилось.

В результате теоретического анализа по проблеме исследования нами разработана **модель психологической готовности к усыновлению**, включающая две составляющие: *общую готовность к родительству как таковому* (общая для всех форм родительства) и *специфическую готовность к родительству усыновителей* (специфична по отношению к родительству усыновителей). При выделении этих составляющих мы исходили из того, что психологическая готовность к родительству усыновителей не может быть сведена к психологической готовности к родительству вообще. Это обусловлено тем, что родительство усыновителей – особая форма родительства, которая, хотя и имеет общие с биологическим родительством особенности, в то же время принципиально от него отличается³. К *социально-психологическим факторам общей готовности к усыновлению* отнесены *мотивация родительства* и *осознанность родительства*, а к факторам *специфической готовности* – *эмоциональное реагирование на проблему бесплодия*^{**} и *восприятие кандидатами в усынови-*

¹ Из общего числа детей-сирот в 2007 г. усыновлен 561 ребенок. Для сравнения в 2006 г. усыновлено 376 детей, в 2005 г. – 370 детей.

^{**} Рассмотрение данного фактора необходимо, когда кандидаты в усыновители (оба супруга, один из супругов или люди, желающие усыновить ребенка вне брака) в той или иной мере столкнулись с проблемой бесплодия или трудностями (физическими, физиологическими, возрастными) на пути к рождению кровного ребенка.

тели своей социальной роли родителей-усыновителей. Критерии оценки обозначенных факторов следующие: 1) адекватность мотивации родительства; 2) осознанность родительства; 3) эмоциональное «разрешение» проблемы бесплодия; 4) признание специфичности социальной роли родителя-усыновителя.

Адекватная мотивация родительства характеризуется тем, что ведущую роль в желании иметь ребенка играет стремление любить и заботиться о нем. Ребенок представляется будущим родителям как самостоятельная ценность, то главное, что определяет их желание стать родителями. При неадекватной мотивации ребенок становится средством полоролевой, возрастной, личной или социальной самореализации, способом удержания партнера или достижения определенного социального статуса⁴.

Осознанность родительства предполагает рефлексивную оценку, осмысление будущим родителем своего родительства в целом и таких его составляющих, как родительские ценности, родительские установки и ожидания, родительские позиции, родительское отношение, родительские чувства, родительская ответственность и стиль семейного воспитания⁵.

Эмоциональное «разрешение» проблемы бесплодия предполагает признание и принятие чувств в отношении своей неспособности иметь кровных детей, а также осознание, что усыновление – альтернативный путь к родительству, который не может заменить рождение своего ребенка. Выделение данного критерия – следствие мнения ряда зарубежных исследователей о том, что для психологической готовности к усыновлению важно, чтобы усыновители прошли все стадии эмоционального реагирования на кризис бесплодия, такие как шок и отрицание, гнев и обида, грусть, вина, отчаяние и депрессия, принятие (разрешение)⁶. В случае, когда горе от осознания невозможности иметь кровного ребенка не «прожито», усыновление рассматривается как подмена рождения ребенка, что препятствует безусловному принятию усыновленного ребенка.

Признание специфичности социальной роли родителя-усыновителя предполагает, что кандидат в усыновители адекватно воспринимает свою роль родителя-усыновителя, т. е. понимает, что быть усыновителем не то же, что иметь своего ребенка: наряду с общими чертами, присущими как усыновлению, так и рождению ребенка, есть существенные отличия, характеризующие родительство усыновителей (отсутствие генетической преемственности, опыта беременности, родов, проблема тайны усыновления). В терминах теории социально-ролевой адаптации к усыновлению Д. Кирка такая позиция противостоит стратегии «отрицания различий» и соответствует стратегии «признания различий» между биологическим родительством и родительством усыновителей⁷.

Исследование проводилось на базе Национального центра усыновления Министерства образования Республики Беларусь и ГУ «Республиканский научно-практический центр «Мать и дитя»». Всего было опрошено 229 человек: основная группа – 73 кандидата в усыновители (39 женщин и 34 мужчины), контрольная группа – 156 будущих биологических родителей (80 женщин и 76 мужчин). В данной работе использовались: методика «Неоконченное предложение»; опросник «Сознательное родительство» (авт. Е.М. Ермахина); авторская методика «Мотивация родительства»; разработанное полустандартизованное интервью для изучения эмоционального реагирования на проблему бесплодия; адаптированная «Шкала признания различий» (авт. Д. Кирк); нарративное интервью; метод опроса экспертов. Исследование проводилось с 2006 по 2008 г. в два этапа.

На первом этапе (доусыновительный период (2006 г.)) в соответствии с предложенной моделью были изучены социально-психологические факторы общей готовности к родительству (в основной и контрольной выборках) и специфической готовности к родительству усыновителей (в выборке кандидатов в усыновители). Результатом стало выявление специфики психологической готовности к родительству кандидатов в усыновители в сравнении с будущими биологическими родителями.

Второй этап (послеусыновительный период (2008 г.)) проходил через два года после первого этапа исследования. Его цель была в эмпирической проверке предложенной модели психологической готовности к усыновлению и выделенных в ней факторов с позиций последующей эффективности семьи усыновителей. Мы исходили из того, что главным критерием психологической готовности к той или иной деятельности является эффективность ее реализации⁸. Выяснялось два момента: 1) существуют ли статистически достоверные различия между семьями с разной эффективностью усыновления по факторам психологической готовности к усыновлению, характеризующим их в доусыновительный период; 2) какие факторы позволяют наилучшим образом прогнозировать последующую эффективность семьи усыновителей. Посредством метода опроса экспертов (специалистов управлений образования, осуществляющих контроль за условиями воспитания усыновленных детей) выявлялось, насколько эффективно функционируют семьи усыновителей после усыновления. В результате выделились группы семей усыновителей с различной эффективностью замещающей заботы за ребенком. Эти группы сопоставлялись по факторам психологической готовности к усыновлению, замеренным в доусыновительный период, на предмет того, есть ли между ними достоверные различия.

На первом этапе исследования (доусыновительный период) были изучены социально-психологические факторы общей и специфической готовности к усыновлению. Исследование факторов **общей готовности к родительству** в основной и контрольной группах выявило следующее.

Изучение фактора *мотивации родительства* с помощью метода «Неоконченное предложение» позволило выделить и описать пять групп мотивов родительства. 1. «Направленность на ребенка» объединила ответы, в которых усыновление (рождение ребенка) связывается с желанием, потребностью иметь ребенка, любить его. В случае усыновления этот мотив выражался и как желание и (или) возможность помочь ребенку, сделать его счастливым, дать ему любовь и заботу (*помогающая мотивация*). 2. «Направленность на себя» отразилась в ответах, в которых усыновление рассматривается как способ стать родителем в случае бесплодия или других трудностей на пути к рождению ребенка, являясь спасительным вариантом для тех, кто не может дать жизнь кровному ребенку. Усыновление в этой группе выступает средством решения личных проблем усыновителя (*инструментальная мотивация*) или как замена рождения своего ребенка (*компенсаторная мотивация*). У будущих биологических родителей «направленность на себя» проявлялась в стремлении посредством рождения ребенка реализоваться в качестве родителя, испытать радость материнства (отцовства), продлить себя в ребенке. 3. «Направленность на общество» отразилась в ответах, где усыновление (рождение ребенка) трактуется как стремление соответствовать социальным нормам, ожиданиям, стандартам полноценности, как способ избегания общественного давления по отношению к бездетным или выступает формой социально одобряемого поведения, внесением своего вклада в решение острых социальных проблем (*мотивация социальной желательности*). 4. «Направленность на семью» следует из ответов, что усыновление (рождение ребенка) совершается ради семьи: укрепления, гармонизации или сохранения отношений в семье, защиты интересов ее членов. 5. «Экзистенциальные мотивы» объединили ответы, в которых усыновление (рождение ребенка) служит цели изменить жизнь, сделать ее более полной, найти в ней смысл, уйти от одиночества, является богоугодным поступком.

Сравнительный анализ мотивации родительства в основной и контрольной группах показал наличие у них сходства в распределении мотивов родительства: наиболее выражены мотивы «направленность на ребенка» и «направленность на себя», наименее – «направленность на общество». При этом содержательным отличием мотивации кандидатов в усыновители является то,

что «направленность на себя» как ведущий мотив родительства, среди них встречается значительно чаще, чем среди будущих биологических родителей ($\chi^2_{\text{эмп}} = 4,342$; $p < 0,01$). Представляется, это обусловлено тем, что для большинства усыновителей стимулом к усыновлению стала проблематичность или невозможность иметь собственных детей. В динамическом плане специфика мотивации усыновления проявилась в том, что усыновители более сильно ориентированы на ребенка (мотив «направленность на ребенка»; $U^*_{\text{эмп}} = 1908$; $p = 0,004$) и родительство (мотив «направленность на себя»; $U_{\text{эмп}} = 1435$; $p < 0,001$) в сравнении с будущими биологическими родителями. Эта может объясняться тем, что одним из условий усиления определенной мотивации является фрустрация соответствующей потребности. В случае усыновителей мотивация родительства более сильна, так как часто они фрустрированы, вследствие того что на пути к удовлетворению потребности в ребенке возникает преграда (физиологические трудности или невозможность иметь ребенка).

Сопоставление по фактору *осознанности родительства* кандидатов в усыновители с будущими биологическими родителями показало, что первые отличаются большей осознанностью родительства в целом ($U_{\text{эмп}} = 2032,5$; $p = 0,013$) и таких его составляющих, как родительское чувство ($U_{\text{эмп}} = 2116$; $p = 0,030$), родительское отношение ($U_{\text{эмп}} = 1994$; $p = 0,008$), стиль семейного воспитания ($U_{\text{эмп}} = 2064$; $p = 0,018$), в частности. Большая осознанность родительских чувств и родительского отношения кандидатами в усыновители свидетельствует о том, что к моменту усыновления они в большей мере отрефлексировали и осознали эмоционально-ценностный аспект взаимодействия с будущим ребенком, свои чувства и отношение к нему. Более высокая осознанность стиля семейного воспитания кандидатами в усыновители говорит о том, что они лучше осознают стратегию будущего взаимодействия с ребенком.

Таким образом, по социально-психологическим факторам общей готовности к родительству кандидаты в усыновители отличаются от будущих биологических родителей более выраженной мотивацией и осознанностью родительства, что вполне естественно, учитывая их долгий путь к нему. Вместе с тем, как показал дальнейший анализ, общая психологическая готовность к родительству – необходимое, но недостаточное условие для психологической готовности к усыновлению и последующей эффективности семьи усыновителей.

При рассмотрении **специфической психологической готовности к родительству усыновителей**

* χ^2 – критерий углового преобразования Фишера; p – уровень значимости.

** U – критерий Манна – Уитни.

в выборке кандидатов в усыновители анализировались следующие факторы: 1) *эмоциональное реагирование усыновителей на проблему бесплодия*; 2) *восприятие ими своей социальной роли родителя-усыновителя*. Изучение фактора *эмоционального реагирования на проблему бесплодия* показало, что только 33,3 % ответивших приняли (эмоционально «разрешили») проблему бесплодия, т. е. готовы к безусловному принятию некровного ребенка. При этом почти половина ответивших испытывает грусть от осознания невозможности иметь кровного ребенка (45,1 % ответивших). Оставшиеся усыновители (21,6 % ответивших) чувствуют вину, отчаяние или депрессию в связи с невозможностью иметь собственных детей либо отрицают трудности на пути к родительству, в то время как они объективно имеют место.

По фактору *восприятия своей социальной роли родителя-усыновителя* большинство кандидатов в усыновители (61,6 %) ориентировано на стратегию отрицания различий между родительством усыновителей и биологическим родительством, т. е. неадекватно воспринимают свою социальную роль. Качественный анализ данных показал, что эта тенденция связана с пониманием усыновителями категории «отличие» в терминах «лучше»-«хуже». Отсюда естественная попытка путем отрицания различий «приравнять» ситуацию усыновления к ситуации рождения ребенка в семье, стремление показать, что семья усыновителей не хуже биологической. Кроме этого, предпочтение стратегии отрицания различий есть следствие убеждения в том, что признание специфики родительства усыновителей есть признание ущербности, «второсортности» их родительской ситуации. Анализ мнения кандидатов в усыновители об отношении общества и близких к усыновлению показал, что оно также играет важную роль в характере восприятия ими своей социальной роли родителей-усыновителей. С одной стороны, ситуация, когда усыновители воспринимают общественное мнение об усыновлении как негативное, препятствует адекватному восприятию усыновителями своего социального статуса. Так, среди кандидатов в усыновители, считающих, что общество отрицательно относится к усыновлению и семье усыновителей, существенно больше тех, кто отрицает специфику своей родительской роли как усыновителя (70,8 %), чем тех, кто это признает (29,2 %) ($F_{эмп} = 2,972$; $p < 0,01$). С другой стороны, когда усыновители ощущают одобрение общества и близких людей, они не стремятся скрыть факт, отличающий их от биологической семьи. В частности, среди кандидатов в усыновители, которые считают, что общество и близкое окружение положительно относятся к усыновлению, значи-

тельно больше тех, кто не стремится сохранять тайну усыновления как от ребенка ($F_{эмп} = 1,62$; $p = 0,05$), так и от окружающих ($F_{эмп} = 1,675$; $p < 0,05$), чем среди усыновителей, которые убеждены в обратном. При этом в глазах усыновителей негативно усыновление воспринимается скорее обществом, чем их близким окружением ($F_{эмп} = 3,050$; $p < 0,01$), а положительно – скорее близкими, чем обществом в целом ($F_{эмп} = 3,014$; $p < 0,01$). Отсюда следует, что в восприятии кандидатов в усыновители именно близкое окружение выступает той значимой микросредой, которая поддерживает их в процессе усыновления. В связи с этим важно расширение «круга поддержки» усыновителей, формирование в обществе позитивного восприятия семьи усыновителей как достойной и самоценной формы семьи, отличие которой от биологической семьи не означает ее ущербности.

На втором этапе исследования (в послееусыновительный период) на основе данных опроса экспертов семьи усыновителей посредством кластерного анализа были разделены на четыре группы, отличающиеся по эффективности усыновления. Эти группы семей сопоставлялись между собой по факторам психологической готовности, изученным в доусыновительный период.

Сравнение семей с разной эффективностью усыновления **по факторам общей психологической готовности** к усыновлению показало различие не между всеми, а только между наиболее и наименее эффективными семьями усыновителей. Наиболее эффективные семьи характеризуются более низким уровнем мотивации «направленность на общество» ($U_{эмп} = 7,5$; $p = 0,05$) и «направленность на себя» ($U_{эмп} = 6,0$; $p = 0,04$) у мужей, а также высоким, но не «избыточным» уровнем мотивации «направленность на ребенка» у обоих супругов ($U_{эмп} = 7,5$; $p = 0,04$; $U_{эмп} = 6,0$; $p = 0,04$) и осознанности родительских позиций у мужей ($U_{эмп} = 6,5$; $p = 0,04$). Отсутствие достоверных отличий между всеми четырьмя группами семей с разной эффективностью усыновления обусловлено, как представляется, тем, что кандидаты в усыновители в целом отличаются сильной мотивацией и осознанностью родительства. В связи с этим закономерно, что по факторам мотивации и осознанности родительства они между собой скорее схожи, нежели различаются. Следовательно, наличие общей психологической готовности к родительству – необходимое, но недостаточное условие психологической готовности к усыновлению.

Сопоставление семей с разной эффективностью усыновления **по факторам специфической психологической готовности к усыновлению** показало, что кандидаты в усыновители, которые в доусыновительный период отличались друг от друга по этим факторам, впоследствии отличаются и по эффективности усыновления.

* Использовались методика «Неоконченное предложение» и материалы нарративного интервью.

Большинство семей, в которых оба супруга в доусыновительный период признавали различия между родительством усыновителей и биологическим родительством, впоследствии стали и наиболее эффективными семьями усыновителей (75,0%). Противоположная ситуация, когда оба супруга отрицали различия: в абсолютном большинстве случаев эти семьи не попали в группу наиболее эффективных семей усыновителей (92,9%). Кроме этого, все семьи, в которых и муж, и жена эмоционально приняли проблему бесплодия, стали и наиболее эффективными семьями усыновителей.

Следовательно, самую эффективную группу семей усыновителей отличает от остальных семей то, что в ней статистически достоверно чаще встречаются семьи, где оба супруга до усыновления характеризовались специфической психологической готовностью к усыновлению: принятием проблемы бесплодия ($\Phi_{эмл} = 2,72$; $p < 0,01$) и признанием специфики своей родительской роли родителей-усыновителей ($\Phi_{эмл} = 1,79$; $p = 0,04$). При этом наиболее отчетливо различия между группами семей с разной эффективностью усыновления прослеживалась по фактору восприятия своей социальной роли родителя-усыновителя. Для выявления прогностической значимости данного фактора использовался метод дискриминантного анализа. Полученная в результате дискриминантная функция имеет следующий вид ($p < 0,001$):

$$y = -2,751 + 0,294 \times \text{ПР}_ж + 0,140 \times \text{ПР}_м,$$

где $\text{ПР}_ж$ и $\text{ПР}_м$ – уровень признания различий у женщин и мужчин кандидатов в усыновители соответственно; $-2,751$ – константа дискриминантной функции; $0,294$; $0,140$ – коэффициенты канонической дискриминантной функции для $\text{ПР}_ж$ и $\text{ПР}_м$ соответственно.

По результатам исследования, благодаря данной функции, удалось корректно спрогнозировать попадание кандидатов в усыновители в группу наиболее эффективных семей в 87,1% случаев. Установлено, что чем выше уровень признания различий у супругов в период до усыновления, тем выше вероятность последующей эффективности их семьи усыновителей. При этом позиция женщины по этому фактору более определяющая.

Таким образом, именно специфическая готовность является определяющей для психологической готовности к усыновлению и, как следствие, его последующей эффективности. При этом наиболее существенным фактором, обуславливающим готовность к усыновлению и последующую эффективность семьи усыновителей, является адекватное восприятие усыновителями своей социальной роли родителя-усыновителя, признание ее отличия от роли биологического родителя.

¹ См.: Частная опека и охрана прав детей в Республике Беларусь по состоянию на 1 января 2008 года. Мн., 2008; Хмелевский В.М., Марчук Г.С. Проблемы социального сиротства в цифрах. 1990–2005 годы. Мн., 2006.

² См.: Аладьин А.А., Амелишко Е.М. Методика психодиагностического обследования кандидатов в усыновители и приемных родителей. Мн., 2001; Дуновски И. Воспитание приемных детей // Воспитание детей в неполной семье. М., 1980. С. 123–138; Красницкая Г.С. Усыновление: вопросы и ответы: специалистам органов опеки и попечительства. М., 1997; Если вы решили усыновить ребенка: Пособие для руководителей учреждения образования, социальных педагогов, специалистов социально-педагогических центров и социальных приютов, приемных родителей / Под ред. И.А. Фурманова. Мн., 2004; Семья Г.В. Социально-психологические и организационные основы работы с приемными и патронатными семьями: Метод. материалы. М., 1999.

³ См.: Лахвич Ю.Ф. Социально-психологические аспекты проблемы усыновления // Адукацыя і выхаванне. 2007. № 2. С. 16–20.

⁴ См.: Основы психологии семьи и семейного консультирования: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Под общ. ред. Н.Н. Посысоева. М., 2004.

⁵ См.: Овчарова Р.В. Психология родительства. М., 2005.

⁶ См.: Daly K. Reshaped Parenthood Identity: The Transition to Adoptive Parenthood // Journal of Contemporary Ethnography. 1988. Vol. 17. № 1. P. 40–64; Kraft A.D., Palombo J., Mitchell D. et al. The psychological dimensions of infertility // American Journal of Orthopsychiatry. 1980. Vol. 50. № 4. P. 618–628.

⁷ См.: Kirk H.D. A dilemma of adoptive parenthood: incongruous role obligations // Marriage and family living. 1959. P. 316–326.

⁸ См.: Парыгин Д.Б. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб., 1999. С. 195–205.

Поступила в редакцию 25.09.08.

Юлия Федоровна Лахвич – аспирант кафедры психологии. Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии В.А. Поликарпов.

Елена Михайловна Бородачева – научный сотрудник, заведующий сектором методики и практики полевых исследований Института социологии НАН Беларуси.